

A scenic landscape featuring a train on a track winding through a valley. The train is blue and yellow, moving away from the viewer. The valley is filled with evergreen trees and a river. In the background, there are snow-capped mountains under a sky with soft, colorful clouds, suggesting a sunset or sunrise.

СТАНЦИЯ, КОТОРОЙ НЕТ

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Алексей Корнелюк
Станция, которой нет
Серия «Не сдавайся пока не прочитаешь эти книги», книга 3

*<https://litres.ru/74093584>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Михаил Рябинин приезжает на вокзал после всего: развода, краха бизнеса, смерти матери и тишины сына, который отвечает ему как чужому. Ему нужно просто уехать. Куда угодно.

Но терминал выдаёт странный билет: «До себя. Без права возврата».

Поезд выглядит обычным: плацкарт, чай в подстаканнике, проводница с усталым лицом, попутчики со своими смешными привычками и чужой болью. Только станции у этого поезда невозможные. На каждой Михаил видит одну из непрожитых версий своей жизни: где он остался в семье, стал богатым, выбрал первую любовь, успел к матери, не потерял сына.

Сначала кажется, что где-то среди этих жизней есть правильная. Но каждая версия берёт свою цену.

«Станция, которой нет» — мистический железнодорожный роман о сожалениях, выборе и правде, от которой не уехать даже ночным поездом.

Алексей Корнелюк

Станция, которой нет

Станция, которой нет

Михаил Рябинин впервые за сорок один год позавидовал железнодорожному терминалу. Терминал стоял у стены, мигал синим экраном, время от времени пищал, зависал, принимал чужие деньги и никому ничего не объяснял. Отличная форма жизни. Никакой тебе бывшей жены, налоговой, партнёра Серёжи, который исчез с деньгами и потом прислал сообщение «Миш, ну ты же взрослый человек», никакой матери в свежей земле, никакого сына, который в переписке превратился в службу поддержки с двумя заготовленными ответами: «ок» и «потом».

Терминал, конечно, тоже иногда ломался. Но к нему хотя бы подходил человек в жилетке и перезагружал.

Михаил стоял перед ним с рюкзаком на одном плече и пакетом из аптеки в руке. В пакете лежали таблетки от давления, таблетки от тревоги, влажные салфетки, зубная щётка и шоколадный батончик, который он купил не потому, что хотел есть, а потому что фармацевт посмотрела на него слишком внимательно. У Михаила был вид мужчины, которому либо плохо, либо он только что плохо сделал кому-то другому и теперь не знает, куда деть лицо. На самом деле всё было проще и хуже: он просто больше не мог находиться дома.

Домом сейчас называлась съёмная студия возле шоссе, где холодильник гудел как маленькая фабрика отчаяния, со-

сиди за стеной смотрели сериалы про богатых красивых людей, а на подоконнике стояла коробка с мамиными вещами. Коробку ему отдала тётя Лида после похорон. «Разбери потом, Мишенька, там в основном ерунда». Потом оказалось, что ерунда весит больше, чем мебель. Очки в коричневом футляре. Квитанции. Половина пачки чая. Старая фотография, где Михаилу лет семь, он сидит на пляже в панамке и выглядит человеком, который ещё не должен банку семь миллионов четыреста тысяч и не умеет врать сыну голосом нормального отца.

Он поставил рюкзак на пол, нажал на экран терминала и выбрал раздел «Купить билет». Экран задумался. За спиной кто-то раздражённо вздохнул. На вокзалах люди вздыхают так, будто весь мир специально задерживает именно их, хотя сами они тоже обычно не подарок.

— Мужчина, вы покупать будете? — спросила женщина за спиной.

Михаил обернулся. Женщина была в красной куртке, с чемоданом цвета мокрой моркови и лицом человека, который уже десять лет никому ничего не прощает.

— Пытаюсь, — сказал Михаил.

— А что там пытаться? Выбираете город и платите.

Вот это, подумал Михаил, и есть женская мудрость в чистом виде. Выбираете город и платите. Вся жизнь в четырёх словах. Жаль, никто не сказал ему это в двадцать пять. Он бы тогда, возможно, выбрал город получше и платил акку-

ратнее.

На экране появилось поле «Куда». Михаил поставил палец на клавиатуру и замер.

Куда?

Это был неприятный вопрос. Из тех, что задают дети, врачи и женщины перед расставанием. Вчера вечером Лена стояла у двери их бывшей квартиры, уже не их, уже её, в сером свитере, который Михаил когда-то любил больше, чем некоторые свои решения, и сказала:

— Куда ты теперь?

Он ответил:

— Разберусь.

Лена кивнула так осторожно, будто перед ней был не бывший муж, а старый шкаф, который может внезапно упасть.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что я правда разбираюсь.

— Нет, Миш. Ты ждёшь, пока всё само как-нибудь развалится. А потом называешь это обстоятельствами.

Она не кричала. Лучше бы кричала. Крик хотя бы можно было отбить криком, закрыть дверью, переждать в машине, послушать музыку погромче. А спокойный голос оставался внутри и ходил там по комнатам.

После этого он пытался позвонить сыну. Артёму было пятнадцать, и он умел молчать так, что Михаил чувствовал себя рекламным предложением от мобильного оператора. Сын не взял трубку. Потом написал: «Я занят». Михаил

зачем-то ответил: «Понял». Хотя ничего он не понял. Он бы очень хотел понять, чем именно занят человек в десять вечера в среду, если этот человек твой сын и раньше просил тебя включить мультик, потому что в комнате страшно.

Но люди растут. Это была одна из самых подлых функций организма.

Михаил посмотрел на поле «Куда» и набрал первое, что пришло в голову: **Казань**. В Казани он был один раз, лет восемь назад, на конференции по логистике, где мужчины в пиджаках говорили «масштабирование», «точки роста» и «мы закрываем боль клиента», а потом пили в ресторане так, будто закрывали собственную. В Казани были красивые улицы, набережная и гостиница, где он забыл зарядку. Подходящее место для человека, который тоже где-то себя забыл.

Терминал мигнул.

Билетов нет.

— Да ладно, — сказал Михаил.

Женщина за спиной снова вздохнула. Её чемодан обиженно скрипнул колёсиком.

Михаил набрал **Нижний Новгород**.

Билетов нет.

Он набрал **Ярославль**.

Билетов нет.

Он набрал **Тверь**, хотя в Тверь не хотел даже терминал.

Билетов нет.

— Может, вы отойдёте? — сказала женщина. — Если не

знаете, куда вам надо.

Михаил хотел ответить что-нибудь умное. Например: «Мадам, если бы люди отходили каждый раз, когда не знают, куда им надо, страна давно бы опустела». Но сказал только: — Сейчас.

Он стёр город. Экран снова показал пустое поле.

Куда.

Над залом висело большое табло. Поезда уходили в Псков, Адлер, Мурманск, Воронеж, Екатеринбург, Сухум. Уходили так спокойно, будто точно знали, зачем. Люди сидели на металлических креслах, спали на рюкзаках, ели булочки, держали детей за капюшоны, ругались по телефону, целовались возле кофейного автомата. У всех было что-то впереди: отпуск, командировка, похороны, свадьба, мать с борщом, любовник в другом городе, работа на вахте, дурацкая надежда. Даже у бездомного у колонны была тележка, то есть направление.

У Михаила был рюкзак, аптечный пакет и ощущение, что его вынули из собственной жизни, как сим-карту из старого телефона.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось: **Банк.**

Михаил отклонил.

Телефон завибрировал снова.

Банк.

Он отклонил.

Потом пришло сообщение от Серёжи.

Миш, давай без эмоций. Нужно встретиться и нормально обсудить.

Михаил усмехнулся. «Без эмоций» обычно говорят люди, которые уже сделали что-то с твоими деньгами, женой, машиной или надеждой и теперь хотят, чтобы ты не портил им настроение. Серёжа был партнёром три года. До этого — другом. До этого — человеком, с которым Михаил таскал коробки на склад в четыре утра и ел шаурму в кабине старой «Газели». Тогда у Серёжи была смешная куртка с прожжённым рукавом, и он говорил: «Мишаня, мы с тобой ещё нормальную контору поднимем». Они подняли. Потом Серёжа поднял оттуда деньги и вышел. Красиво вышел, по-взрослому. С юристом.

Михаил написал: **Обсудим в суде.**

Стер.

Написал: **Ты тварь.**

Стер.

Написал: **Позже.**

Отправил.

Вот так и рушатся люди. Не с криком, не с бутылкой об стену, не с красивым монологом под дождём. Просто пишут «позже» человеку, которому хотели бы выбить зубы.

Терминал тихо пикнул. Михаил поднял голову.

Поле «Куда» больше не было пустым.

В нём уже стояли слова:

ДО СЕБЯ

Михаил моргнул. Потом ещё раз. Буквы не исчезли. Они были ровные, чёрные, официальные, как будто «До себя» было обычным направлением между Бологое и Рыбинском.

— Это вы ввели? — спросила женщина в красной куртке.

— Нет.

— А кто?

— Понятия не имею.

— Ну удалите.

Михаил нажал «стереть». Ничего не произошло. Нажал ещё раз. Экран коротко мигнул, подумал и выдал новое окно:

Один пассажир.

Вагон 7.

Место 36.

Верхнее боковое.

Тариф: полный.

Возврат: невозможен.

Ни даты, ни времени, ни номера поезда. Только внизу зелёная кнопка: **Оплатить.**

Женщина за его спиной перестала вздыхать. Это было уже

серьёзно. Когда на вокзале молчит раздражённая женщина с морковным чемоданом, значит, реальность дала небольшую трещину.

— Может, вирус какой, — сказала она.

— В терминале?

— Сейчас везде вирусы.

Михаил почему-то подумал о маме. Не о её болезни, не о больнице, не о белом пластиковом браслете на тонкой руке, а о том, как она однажды пыталась купить билет через приложение и позвонила ему в панике:

— Миш, тут написано «выберите пассажира». А я одна. Кого выбирать?

Он тогда был на встрече, Серёжа показывал инвесторам графики, Лена уже писала ему, что Артём ждёт его на школьном концерте, а он шёпотом сказал матери:

— Мам, ну нажми на себя.

— Как это — на себя?

— Там твоё имя должно быть.

— А если я не хочу на себя?

Он тогда разозлился. Не сильно. Так, привычно, фоновое. Сказал:

— Мам, я не могу сейчас. Позже наберу.

Позже он набрал через два дня. Она уже сама как-то купила билет. Или не купила. Он не помнил. Очень удобно устроена память: оставляет тебе общую вину, но стирает детали, по которым можно было бы хоть что-то исправить.

— Мужчина, ну вы будете оплачивать или нет? — спросила женщина.

— Не знаю.

— Тогда отойдите.

Это было честно. Мир терпит твою драму ровно до тех пор, пока ты не задерживаешь очередь.

Михаил достал карту. Приложил к терминалу. Не потому, что решил ехать «до себя». Слишком пафосно. Он просто устал выбирать города, где у него не было причин появляться. А ещё — и это было совсем глупо — ему захотелось посмотреть, что будет дальше. В сорок один год любопытство уже редко спасает. Обычно оно только заводит туда, где потом приходится извиняться. Но иногда выбора нет. Или, наоборот, выбор наконец становится достаточно идиотским, чтобы показаться настоящим.

Терминал принял оплату мгновенно. Конечно. Когда надо было списать деньги, техника работала безупречно.

Из щели вылез билет. Бумажный. Не чек на тонкой ленте, а настоящий билет, плотный, чуть шероховатый, кремового цвета, как будто его печатали не в терминале, а в учреждении, где до сих пор пользуются чернилами, папками на завязках и женщинами с начёсом.

Михаил взял билет двумя пальцами.

На нём было написано:

Михаил Андреевич Рябинин

Направление: СТАНЦИЯ, КОТОРОЙ НЕТ

Назначение: ДО СЕБЯ

Вагон 7. Место 36. Верхнее боковое

Без права возврата

Внизу стояла круглая печать. Нечёткая. То ли часы, то ли колесо, то ли глаз.

— Ну? — спросила женщина.

Михаил отступил в сторону. Женщина быстро заняла его место, ткнула в экран с выражением человека, который сейчас наведёт порядок если не в мире, то хотя бы в расписании. Терминал послушно показал ей обычное меню. Города, даты, пассажиры, страховка, выбор места. Никакого «До себя». Никакой станции, которой нет.

— Работает, — сказала женщина и посмотрела на Михаила с подозрением. — Вы просто не умеете.

— Это у меня семейное, — сказал он.

Она не улыбнулась. Видимо, в её семье умели.

Михаил отошёл к колонне. У колонны сидел мальчик лет пяти и ел пирожок так, будто мстил тесту за что-то личное. Рядом его отец пытался одной рукой держать телефон, другой — стакан кофе, третьей у него явно не хватало на жизнь. Мальчик уронил кусок начинки себе на куртку и спокойно размазал ладонью.

— Кирилл, ну ё-моё, — сказал отец. — Мама меня убьёт.
— Не убьёт, — сказал мальчик. — Она тебя любит.

Отец посмотрел на него так, как взрослые смотрят на детей, когда дети случайно говорят что-то слишком крупное для своего роста.

Михаил отвернулся.

Он хотел позвонить Лене. Потом решил, что это будет выглядеть странно: «Привет, я купил билет до себя, без права возврата, как у вас дела?» Лена могла вызвать скорую. Или, хуже, говорить спокойно. Он хотел позвонить Артёму. Но Артём был занят. Человек, который занят в пятнадцать лет, имеет полное право не отвечать отцу, который был занят предыдущие десять.

Он открыл чат с сыном.

Последние сообщения выглядели так:

Михаил: Как тренировка?

Артём: норм

Михаил: Может, в выходные увидимся?

Артём: не знаю

Михаил: Я могу заехать.

Артём: потом

Потом. Великое русское слово. Им можно накрыть всё: любовь, ремонт, здоровье, разговор, похороны, жизнь. Потом — это такая камера хранения, куда люди сдают самое важное, а квитанцию теряют.

Михаил написал: **Я на вокзале.**

Посмотрел.

Стер.

Написал: **Если что, я уехал ненадолго.**

Стер.

Написал: **Спокойной ночи.**

Было пять часов вечера.

Стер.

Он убрал телефон в карман. Некоторые отцовские поступки лучше не совершать в состоянии, когда ты завидуешь терминалу.

По громкой связи объявили поезд на Мурманск. Голос женщины под потолком был усталый, но торжественный. Все вокзальные голоса такие: они говорят о прибытии электрички так, будто сообщают о конце империи. Люди поднялись, зашуршали пакетами, потянули чемоданы. На табло замигали номера путей. Михаил автоматически посмотрел на свой билет. Номера поезда всё ещё не было.

Он подошёл к электронному табло и стал искать глазами хоть что-то похожее. Москва — Адлер. Москва — Казань. Москва — Санкт-Петербург. Москва — Воркута. Москва — Нижний Новгород. Москва — туда, где у людей были при-

чины.

Станции, которой нет на табло не было.

Это немного успокоило. Возможно, всё-таки сбой. Возможно, деньги вернутся. Возможно, сейчас он пойдёт в кассу, там пожилая женщина с цепочкой на очках скажет: «Молодой человек, что же вы всякую ерунду покупаете», отменит операцию, и жизнь снова станет обычной, то есть плохой, но без мистики. В обычной плохой жизни хотя бы понятно, где виноват ты, где банк, где Серёжа, а где просто среда.

Михаил пошёл к кассам.

Очередь там была такая, будто в стране отменили интернет, банковские карты и надежду. Впереди женщина выясняла, почему её посадили не у окна, хотя она «специально просила у окна», мужчина в кепке спорил о провозе велосипеда, бабушка пыталась доказать, что её внучка всё ещё ребёнок, хотя внучка рядом была выше Михаила и держала в руке энергетик. В кассовом окне сидела женщина с лицом, которое могло остановить малый бизнес быстрее налоговой проверки.

Михаил занял очередь. Через семь минут телефон снова завибрировал.

Лена.

Он смотрел на имя, пока звонок не оборвался. Потом пришло сообщение.

Миш, ты забрал документы из машины? Мне завтра нужно отдать ключи покупателю.

Всё. Не «ты где?», не «как ты?», не «не делай глупостей», не «я всё ещё помню, как ты смешно танцевал на кухне под старую песню, и мне от этого больно». Документы из машины. Ключи покупателю. Их семейная жизнь, если сократить её до последнего сообщения, звучала как задача для управляющей компании.

Он ответил: **Заберу.**

Лена написала: **Спасибо.**

Спасибо. После четырнадцати лет вместе они достигли уровня переписки с курьером.

Очередь двинулась на полчеловека. Михаил посмотрел на билет снова. Бумага была тёплая, хотя в зале тянуло от дверей. Печать внизу теперь казалась чуть чётче. Всё-таки колесо. Или глаз. Или просто дурацкая печать, а у него стресс.

За спиной кто-то сказал:

— Если билет уже взяли, чего теперь в кассу?

Михаил обернулся.

Рядом стоял невысокий мужчина в спортивных штанах, пуховике нараспашку и шапке, которая явно пережила не одну власть. В одной руке он держал прозрачный пакет с курицей в фольге, в другой — пластиковую бутылку кваса. Лицо у него было круглое, красное от мороза или от характера. Такие лица обычно появляются в очередях, купе, банях и чужих советах.

— Вы мне? — спросил Михаил.

— Ну не Пушкину же. Вы билет мнёте, как будто он вам

алименты должен.

Михаил посмотрел на свои руки. Он действительно смял край билета.

— Ошибка какая-то, — сказал он.

— В билете?

— Похоже.

Мужчина наклонился, без спроса посмотрел.

— О, — сказал он.

И замолчал.

Это было страннее, чем если бы он начал смеяться. Михаил уже приготовился к чему-то вроде «до себя, ха-ха, мне бы тоже туда, только с пересадкой через пивной ларёк». Но мужчина не засмеялся. Он даже квас опустил.

— Что «о»?

— Ничего.

— Вы видели такой?

— Я много чего видел. Я на юг в плацкарте ездил, там женщина везла козу. После козы человека трудно удивить.

— Но удивились.

Мужчина посмотрел на билет ещё раз и почесал подбородок бутылкой.

— Седьмой вагон? Тридцать шестое?

— Да.

— Верхняя боковая, — сказал мужчина с сочувствием. —

Ну это они, конечно, могли бы и помягче. Человек и так до себя едет, а его ещё на верхнюю боковую.

— Кто они?

— Да кто их знает.

— Вы о чём вообще?

Мужчина пожал плечами.

— Я о том, что курицу надо есть тёплой. А всё остальное

— как получится.

Он пошёл прочь от касс, будто разговор закончился не на самом интересном месте, а там, где и должен был. Михаил смотрел ему вслед. Пакет с курицей покачивался у него в руке, как маятник здравого смысла.

— Следующий! — крикнула кассирша.

Оказалось, очередь дошла до Михаила.

Он подошёл к окну и просунул билет в щель.

— Мне бы проверить билет.

Кассирша взяла его двумя пальцами. Посмотрела. Потом на Михаила. Потом снова на билет.

— Паспорт.

Михаил дал паспорт.

Она сверила имя. Постучала по клавиатуре. Экран перед ней отражался в очках двумя бледными прямоугольниками. Лицо её не изменилось. Это был плохой знак. Люди, у которых не меняется лицо при виде невозможного, либо давно работают с людьми, либо сами часть невозможного.

— Билет действителен, — сказала она.

— Куда?

— Написано.

— Здесь написано «Станция, которой нет».

— Значит, туда.

— Но такой станции нет.

Кассирша подняла глаза.

— Молодой человек, у нас полстраны так ездит.

— В смысле?

— В прямом. Кто куда. Кто к маме. Кто от мамы. Кто к бывшей. Кто от бывшей. Кто работать. Кто пить. Кто умирать. В расписании одно, в голове другое.

— Я хочу вернуть билет.

— Возврат невозможен.

— Это тоже написано, я вижу. Но я его купил пять минут назад.

— Тогда надо было четыре минуты назад думать.

— А сейчас?

— А сейчас уже поздно.

Слово «поздно» она произнесла без драматизма. Как «платформа», «паспорт» или «у вас ручка не пишет». От этого стало хуже.

— Номер поезда где? — спросил Михаил.

Кассирша снова посмотрела на билет.

— Услышите объявление.

— Когда?

— Когда объявят.

— Вы всегда так подробно отвечаете?

— Только пассажирам без права возврата.

Она вернула паспорт и билет. Михаил хотел спросить ещё что-нибудь, но сзади уже напирал мужчина с велосипедом и лицом святого мученика багажных правил.

— Не задерживайте, — сказала кассирша.

Михаил отошёл от окна. Внутри у него что-то тихо и неприятно ускорило. Не паника ещё. Паника была утром, в ванной, когда он сидел на полу, держался за край ванны и пытался дышать так, как советовали в ролике: вдох на четыре счёта, задержка, выдох. Ролик вёл парень лет двадцати семи с кожей человека, у которого никогда не было просроченного кредита. Михаил тогда подумал, что хотел бы встретить его в тёмном переулке и попросить подышать на четыре счёта вместе с ним.

Сейчас было другое. Не приступ. Скорее ощущение, что кто-то без спроса открыл дверь в комнате, где он много лет складывал вещи как попало, и включил свет.

Он дошёл до ближайшей лавки и сел. Металл был холодный. Рядом бабушка кормила внука варёным яйцом из салфетки. Яйцо пахло детством, поездом и лёгкой общественной угрозой.

Михаил достал билет. Провёл пальцем по словам «Без права возврата». Чернила не размазались.

Телефон снова завибрировал. На этот раз — Артём.

Не звонок. Сообщение.

Ты когда заберёшь свои вещи? Мама сказала, там твои коробки.

Михаил смотрел на экран долго. Слишком долго для такого простого сообщения. В нём не было злости. Даже обиды почти не было. Просто административный вопрос. Когда заберёшь свои вещи. То есть когда окончательно перестанешь занимать место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.